

Есть о чем задуматься

В «Комсомольской правде» от 18 августа этого года опубликована статья «Мастера и маргаритки», посвященная, в частности, истории выпуска в Ленинградском академическом театре имени Ленсовета спектакля «Спортивные сцены» 1987 года Э. Радзинского. Читая своим долгом сообщить газете и ее читателям мнение коллектива театра о данной статье. Существует ли в современном театре проблема взаимоотношений очередной режиссуры и художественного руководства, о которой пишет автор Б. Клещенко? Безусловно, да! Но оспаривает ли это автора от обязанности быть доказательным, четко и честно следовать фактам и только им? Если драматург С. Злотников мог себе позволить, находясь за 600 километрами от Ленинграда, с Юрмальского побережья безапелляционно судить о спектакле, которого он не видел (у каждого, в конце концов, свои представления о нравственных нормах), то специально корреспондент газеты Б. Клещенко, как нам представляется, просто не имела права поставить последнюю точку, так и не поговорив с участниками спектакля, а самое главное, так и не зайдя в зрительный зал полюбопытствовать, что же за спектакль поставлен в театре.

Если же перейти от катего-

рий моральных к фактам, то вот лишь некоторые из них.

Во-первых, художественному руководителю театра, народному артисту СССР И. П. Владимирову не было никакой нужды присваивать себе спектакль очередной режиссуры Г. Руденко, ибо назначенная по призыву о запуске спектакля и по просьбе драматурга Э. Радзинского, он являлся художественным руководителем постановки со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами.

Во-вторых, просмотр спектакля, на который Г. Руденко действительно пригласил зрителей и представителей прессы, был не сдачей, а «черновым» прогоном, после которого работа над спектаклем была приостановлена в связи с его художественной беспомощностью и отсутствием у Г. Руденко убедительных соображений по его доработке. Это было решение всего художественного совета, выбранного коллективом театра тайным голосованием, сомневающимся в компетентности и порядочности которого основатели, как нам кажется, нет. К сожалению, нужно признать, что неудача этой работы Г. Руденко не была для нас полной неожиданностью. За последние пять лет работы в Ленинграде он успел сменить три театра. Его дебют в театре имени Ленсовета в качестве режиссера спектакля «Круглый стол под абражуром» В. Арно вызвал ряд серьезных претензий авторов и членов художественного со-

вета. Тем не менее ему была доверена режиссура «Спортивных сцен» как еще одна возможность доказать свою профессиональную состоятельность.

Через некоторое время участники спектакля и художественный совет обратились к И. П. Владимирову с просьбой продолжить работу над спектаклем. Художественный совет исходил из тех соображений, что в «Спортивные сцены» был вложен огромный труд, затрачены немалые материальные средства. После кардинальной переработки 10 июля художественный совет дал разрешение играть спектакль. Мы считаем, что он стал лучше. Правда, автор статьи не может подтвердить или опровергнуть наших слов: как у него говорилось, спектакль она не видела.

В-третьих, на афише и в программе спектакля, премьера которого состоялась 18 июля, ставились авторства Г. Руденко отстранена в полном соответствии с приказом о запуске спектакля: первая строка — «режиссер — Г. Руденко», а затем — «художественный руководитель постановки — И. П. Владимиров». Можно ли после этого доверять критику, который не видел не только спектакль, но и программы?

О некомпетентности автора свидетельствует и то, что замена авторов в процессе репетиций была сделана в соответствии с желанием самого Г. Р.

Руденко, и то, что заведующая отделом «Вечернего Ленинграда» Е. Алексеева низкой рецензией не писала, и то, что покойный Г. М. Остропов ушел из театра, потому что получил назначение на пост главного режиссера в Театр имени Ленинского комсомола. Факты и элементарное уважение к предмету разговора оказались принесены автором в жертву «разоблачительному» лефосу статьи.

Очень жаль, что статья не поднимает выше уровня театральную сплетню, ибо проблема, затронутая автором, важна для современного театра и достойна глубокого профессионального обсуждения.

Члены художественного совета: С. МИНИЧКО, актер; Ю. КОЗЫМОВ, актер; О. Я. ЛЕВОВ, режиссер; Е. СОЛОВЕВ, з. а. РСФСР; В. КУЗЬМИН, з. а. РСФСР; И. РАХИШТЕИН, режиссер; з. а. РСФСР; П. ШЕЛОХОНОВ, з. а. РСФСР; В. КУЗЬМЕНКО, доцент Ленинградского государственного института культуры, актер; Б. ГАНАПОЛЬСКИЙ, актер; Д. БАКОВ, и. а. РСФСР; С. ШУБ, заместитель директора по театру.

18 августа с. г. в нашей газете была опубликована статья «Мастера и маргаритки». В ней шла речь об истории выпуска молодым режиссером своего спектакля в Ленинградском театре им. Ленсовета, о его конфликте с художественным руководителем

И. Владимировым. Неоднозначно отозвались читатели на этот материал. Сегодня публикуем письмо группы артистов, не согласных со статьей и возражающих автору, а также мнения критика и драматурга.

ПИСЬМО ПО ПОВОДУ

Кол. правда, 1988, 20 окт.

Открытые двери все окна хлопают...

Приезжаю в Ленинград и сразу с поздравлениями Руденко. Уговариваюсь, что приду к нему завтра. Дела, как вы знаете, задерживаются, и попал к нему запоздно.

Другой бы огорчился, а же — сильно удивился. Геннадий не шел. Совсем.

А тут, как ласково говорят в народе, друг развалил. На полу у старой кушетки, щеки мокрые, глаза красные, и фальшиво твердит одно только слово: «отнимет, отнимет...».

Оставалось недолго до показа Вам «Спортивных сцен» Радзинского, а человек от страха и ужасения был уже ни жив ни мертв — невменяем, развалился. Наутро я смею репетиционный протон. Кстати, Руденко рассказывал Вам и другим членам художественного совета, что был в театре и видел спектакль. Зачем же поспешно писать и рассказывать, будто «Злотников мог себе позволить, находясь за 600 км от Ленинграда, с Юрмальского побережья безапелляционно судить о спектакле, которого он не видел»? Нечего. Я видел. И то, что я видел, мне понравилось. Это была очень достойная, живая работа. Правда, не оступил я подковы. Тогда же через тот прогон я узнал человека с твердой итерией на горле.

Тем не менее успокоился. Правда, отлегло. Почти был уверен, что Вы все увидите, разглядите, поймете и примете. О чем и сказал Геннадий.

Не забывая главу Геннадия в ту минуту... Как ясный, он мне показался. Правда, не оступил я подковы. Тогда же через тот прогон я узнал человека с твердой итерией на горле.

К слову, я встречаюсь со многими, виденными в последние дни. Почти все хорошие. Общие мнения: не тот случай, когда надо влезать кому-то еще со стороны.

Но Вы — справедливости ради признаю — и не влезали. Повела себя еще проще: фактически вытолкнула Руденко вазет. Сразу после слачи сказала ему: «На репетиции больше не приходи, через десять дней я сам выпущу премьеру».

Но я точно знаю: два постановщика одного спектакля — почти всегда обман и подлость (исключение разве — когда ученик и учитель).

Так, в свое время Вы потянули руку «мистеру (пару)» Яковлеву (Оля с мужем Каменом Линколом — она превосходнейшая режиссерка — работала в Ленинграде от одного режисера к другому, нуждалась ужасно, умничала; впрочем, достоинство, совестливость и преданность высокому театру — качества не терять). В ту же года жили в Вас она под Вашим руководством участвовала лишь в одном (!) спектакле: «Человек, животное и добродетель». Нет, простите, неточно: еще на сверхусилии вытаскивало репертуарную болгарскую пьесу для двух актрис, которую вы семь (!) месяцев не выпускали в свет... И Руденко бери на работу. Вы знали, что талантлив,

образован, что за ним самостоятельные работы в Театре драмы и комедии на Литейном и в ВДТ им. Горького.

За 23 года, что Вы во главе, в театр приходили и скоро же исчезали, будто проваливались, десятки талантливых, зрелых, вполне самостоятельных режиссеров. Самое большое, что им удавалось совершить, — постановку под Вашим мудрым руководством. Кому-то, справедливости той же ради — единично, удавалось отбиться от настоящих чужих к хоть что-то самим со- творить. Уж эти-то в театре тем более не задерживались.

Лет восемь-девять назад по Ленинграду прокатилась весть: Владимир прикрывает спектакль молодого (а то время еще молодого и еще режиссера) Бориса Соколова по пьесе Аллы Соколовой «Дом наполненный мой». Помню, как мы, товарищи Соколовой по мастерской И. Дворского, дружно явились на премьеру. Помню бедные, как траурные, лица, артистов, знавших, что играют в первый и последний раз.

Вспоминая спектакль по Л. Андрееву «Тот, кто погубил пошляка», тогдашний главный А. Салгальчик лет пятнадцать тому. Помню и Салгальчика сразу после дневно-го прогона. Мы стояли на Невском, и он со слезами от ярости глазами клял Вас, себя, театр, ту минуту, когда саялся...

Помимо чисто человеческой заинтересованности в судьбе талантливого, встраиваемого человека, есть еще один принципиальный момент, приводящий меня и драматургов моего поколения к ярости и тоске. Помня, что Вы, Ваше поколение — власть имущих режиссеров, лишали наше поколение драматургов нашего поколения режиссеров. Вы, Вы не давали им расти, дышать, осуществлять. Вы отнимали у нашего театра новых (других!) Любимых, Эфросов, Товстоноговых, Ефремовых, Гончаровых... В том, что советский театр сегодня переживает тяжелейшие времена... и Ваша вина. И Ваша — в загубленных, неустроенных, несостоявшихся судьбах. Да давай же Вы, право, чем грешит Руденко козими гонимыми. Ока открытой. Покаяние на дворе.

С. ЗЛОТНИКОВ.

Сегодняшние выступления, на наш взгляд, значительно расширяют тему: от конкретного случая, театрального инцидента — к проблеме становления нашей молодой режиссуры. Собственно, статья Б. Клещенко, ныне обсуждаемая, и имела такую цель — не рецензировать спектакль Театра им. Ленсовета, а вскрыть общие бед. Многие театры стоят перед необходимостью выбора лидера. И казалось, что лидеров-то и нет, мало кто из выпускников вузов имеет достаточный творческий уровень, чтобы возмещать коллективы или хотя бы успешно работать очередной режиссером.

К такому результату театры пришли не сразу. Слишком несвободен молодой режиссер в накоплении собственного опыта, слишком редко на его пути встречается чужой, великодушный мастер. Жесткий прессинг, запреты, поправки, деспотизм и сегоднешняя — вот с чем сталкиваются чаще всего начинающие. Как изменить существующий порядок? Театры не закрываются.

льс о том, как органично он вошел в семью Ленсовета. Дело не только в отношении с очередной режиссурой. Преследованиям подвержены и те авторы, которые замечены или подозреваются в «коммунистическом» доверии к другому режиссеру. После ухода Спыва из театра вынуждена была уйти и группа артистов.

Правда, это вполне соответ-

МНЕНИЕ КРИТИКА

стует мысли Игоря Петровича о театре-поэде. Театр-де дежисет вперед. Кто-то входит на сцену, кто-то выходит.

Как часто представлял себе, какой будет в окружении молодежи на телеэкране или концертной эстраде. О своих учениках он тоже говорит с любовью и нежностью, как и о молодых режиссерах, с которыми начинает сотрудничество. Но факты, к сожалению, корректируют этот трогательный образ. Из-за того, что в свое время Игорь Петрович не пустил в свой «дом» одного режиссера, погиб Молодежный театр при Театре им. Ленсовета (режиссер-педагог В. Воробьев не имел возможности самостоятельно ставить). Критик М. Дмитриев подсчитал: из тогдашних 15 актеров Молодежного театра в театре-метрополи остался пятеро. Только двое из пяти не потерялись на основной сцене. Остальные оказались вне театра и помнили профессию. Можно сказать, они были бездарными, слабыми, не выдержали. Отнюдь нет. Способные были ребята. Не выдержали бессмысленно, когда 2—3 студенческих спектакля нещадно эксплуатировались в течение нескольких лет плюс прыжки и ужимки в массовке на основной сцене. Сейчас входит в группу новый курс. И нетронутая за судьбу и эти моменты, т. к. в угоду одиозно-лодному театральности их отучают от органики, содержательности сценического существования.

А есть еще и атмосфера грубости, подозрительности. Разве она не разлагает? В театре равности боится сторонней ревности, принимает неадекватные формы. Если надо похвалить, зальют напист портрет в «Советскую культуру». Меня могут спросить: а почему никто не сопротивляется, не возражает? Ответу: в Москве больше театров — в Ленинграде больше «внутриквартальных», впитавших с молодости эгоцентрический завет: «Театр — это главный театр». Иными словами, кто кому, то впрочем. Самодеятельные режиссеры любят приводить пример с Мейерхольдом и Эйзенштейном. Созревший ученик должен разойтись с Мастером. При этом забывают три момента: ни один из нынешних Мастеров не вырастил своего ученика. Хорошо, если ученику дали осуществиться один свой замысел. Во-вторых, Эйзенштейн, покинув Театр им. Мейерхольда, до конца своих дней сохранял уважение к Мастеру. И главное: Эйзенштейну, в 20-е годы было куда уйти, то есть драма отсутствовала. Сегодняшний очередной, как правило, уходит на улицу.

Не сомневаюсь: в ответ на публикацию Б. Клещенко в редакцию придет громкая опровержение. В этом опровержении будет сказано, что сейчас в театре работает режиссер А. Морозов. За его подписью являлся спектакль «Собака сардечки». Все так, хотя кроме режиссера с театром только начинается. Настораживают также два факта: интеллект о замысле спектакля дает пометку все тот же И. П. Владимиров, и он же играет главную роль.

Е. СОКОЛДИНСКИЙ, кандидат искусствоведения.

ОТ РЕДАКЦИИ